

Александр Алексеевич Богданов

Сувенирчик

Александр Алексеевич Богданов

Сувенирчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4669968

Аннотация

«Учитель городского двухклассного училища Авенир Иваныч Горизонтов, после объявления манифеста 17 октября, очутился в положении слепого, которому сняли катаракт и он увидел вольный свет. Десять лет прожил он мирно со своей матушкой в провинциальном городке Курдюме, преподавая арифметику, числился на хорошем счету у начальства, утром аккуратнo ходил на занятия, а по вечерам ухаживал за барышнями на городском бульваре...»

Содержание

I	4
II	10
III	12
IV	14

Александр Алексеевич Богданов Сувенирчик

I

Учитель городского двухклассного училища Авенир Иванович Горизонтов, после объявления манифеста 17 октября, очутился в положении слепого, которому сняли катаракт и он увидел вольный свет. Десять лет прожил он мирно со своей матушкой в провинциальном городке Курдюме, преподавая арифметику, числился на хорошем счету у начальства, утром аккуратно ходил на занятия, а по вечерам ухаживал за барышнями на городском бульваре. Садились у каменного бассейна, куда бросали окурки папирос, конфетные бумажки и всякую дрянь, оправдываясь при этом, что «все равно в басинке нет воды». За болезненный, землистый цвет лица барышни звали Горизонтова «желтомором», а за то, что он носил костюм зеленого цвета с искорками, дали ему кличку «лягушачий мор». В глаза же называли его просто Сувенирчиком и сложили по поводу его четверостишие:

Горизонтов Авенир

Преподнес нам сувенир —
Циркуль, грифель, мел, тряпичку,
Умножения табличку.

Сувенирчик знал о существовании стихов и не обижался. Газет и книг он не читал, заглядывая лишь изредка в губернские ведомости, выписываемые на школьный счет; в часы перемен в учительской просматривал он хронику и происшествия. О конституции же и государственных порядках Запада имел точно такое понятие, как деревенская баба об Эфиопии и белых арапах. И когда в городе в 1905 году открылась «эра» митингов и банкетов, он был ошеломлен событиями, перевернувшими все в его голове. Впрочем, это не помешало ему быстро примкнуть к сторонникам «банкетного» движения. От больших идей революционного времени он успел взять только то небольшое, что могло уместиться в маленьком и тихом человечке.

Местные учителя организовали кассу и союз; Сувенирчик усердно посещал собрания, прислушиваясь к тому, что говорят, и ему нравились горячие речи о бесправном положении учителей и о необходимых назревших реформах в деле народного образования. Новые убедительные слова пробивали в его мозгу тупую толщу и были так понятны и близки, точно родились в нем самом.

Возвращаясь домой, Сувенирчик делился впечатлениями со своей матушкой. Он был воспитан в духе старого времени,

и как послушный сын не выходил из родительской воли: аккуратно каждого двадцатого числа приносил он жалованье, удерживая пять рублей себе на «карманные расходы». А когда «карманных» не хватало, занимал без отдачи у матушки из сумм, отпущенных на хозяйство. Матушка – худая, щуплая старушенция в коричневом бумазейном платье с черной кружевной косынкой на голове, любовно делилась с сыном грошами, которые ей удавалось сэкономить, рассуждая сама про себя, что «нельзя же молодому человеку без удовольствия, от уроков да сидения дома и одуреть можно».

Ни одного шага в своей жизни, начиная с покупки материи на костюм и кончая выбором экзаменационных задач, Сувенирчик не делал без матери, и она ценила эту покорную преданность сына, хвастаясь перед соседками, что лучше его нет никого на свете.

Дома Сувенирчик снимал зеленый пиджачок и облачался в домашнюю засаленную тужурку с вставленными на локтях заплатами в виде червонных тузов. Оба с матушкой любили мечтать о будущем. Сувенирчик ложился на постель, закинув руки под голову на подушку. Матушка садилась возле, придвигала желтый липовый стул и смотрела на сына влажными глазами, умильно мигая короткими белыми, как у коровы, ресницами. Сувенирчик рассказывал:

– Сегодня, мамурочка, на собрании постановили, чтоб ввести прогрессивные прибавки жалованья учителям. В некоторых городах это уже давно практикуется: ... Отслужил пять

лет – ше-есть-де-есят рубликов... Ещё пять лет – еще шесть-десять рубликов...

– За десять лет сколько это, Веня, выходит? – спрашивала матушка, и ей становилось радостно.

– Сто двадцать монет, как одна копеечка, – считал Сувенирчик. – А еще прослужу пять лет – сто-о-восемь-де-сят рублей будет... Каково?.. а?.. Пятнадцать лет старой службы, мамурочка, – это тебе не ба-аран начихал!.. Каждый годик зачтут!.. Ха-ха-ха!.. Если же к тому времени заведующим стать, так мы с тобой, мамурочка, шестьдесят пять рубликов при готовой квартире получать будем... Заживем, небойсь, тогда?.. а?..

– Не было бы чего, Веня, вам за ваши собрания... Сохрани, господи, и помилуй! – тоскливо говорила матушка. – Вон у студента Зацвелиховского в прошлом году все собирались да собирались, а потом нагрязнула тайная полиция, в темную карету посадили его и увезли... Сказывают, где-то в Петербурге в каменный мешок запрятали...

Сувенирчик, чтоб разогнать тревогу матери, смеялся тихим, неуверенным смехом, раздвигая шишечки скул и показывая два ряда неровных желтых зубов.

– Теперь не те времена, мамурочка!.. Теперь свобода... бояться нечего... Вон заведующий третьим училищем, старик Сироткин, кроме церкви да школы, всю жизнь никуда не показывался, а теперь и он на собрание приковылял...

– Ну-ну, – вздыхала матушка. – Тебе видней!..

Был у Сувенирчика приятель, – вольный живописец Клеточкин. Он брал по заказу всякую работу: подновлял иконостасы в церквях, писал по дешевке портреты с обывателей города, рисовал в увеличенном размере с фотографических карточек и даже снимал копии с картин известных художников для местных салонов. Сувенирчик вместе с Клеточкиным ездил летом на Щучье озеро ловить бреднем раков и жерихов, а зимой, на святках, неизменно танцевал визави в кадрили-монстр на вечеринках, отчаянно дирижируя при этом:

– Сильвупле, кавалеры, направо, сильвупле, мадмуазель, налево!..

Дни свободы внесли перемену также и в жизнь Клеточкина... Он взбил коком длинные темные волосы, шляпу взбадривал на голове так, что она съезжала к затылку, а когда проходил мимо полицейских, то старался держать в зубах папиросу одним уголком рта с самым независимым и вызывающим видом, мысленно говоря при этом: «Выкуси-ка теперь, ваше селедочное благородие!..»

В душе Клеточкина всколыхнулись неясные, но радужные надежды, и он стал именовать себя «художником». Ему нравилось, что кругом все шумит, волнуется, протестует... По примеру других и он попробовал собрать у себя компанию: Сувенирчика, двух чиновников казначейства, регента из церкви «Спас на Козьем болоте» и «вечного студента» Ванечку Хворостухина. Под аккомпанемент гитары пели «Вих-

ри враждебные», толковали о будущем, а потом Клеточкин разошелся так, что бросился обнимать и целовать всех со словами:

– Кончается, друзья, трудная стезя нашей жизни... При-
ветствую широкое будущее!.. Урра!..

Новое придвигалось, как радостная сказка. Впереди раз-
вертывались светлые, неизведанные перспективы. С трудом
представляли, что именно произойдет, но верили, что будет
лучше.

Пока что, в ожидании грядущих благ, Клеточкин рабо-
тал усердно и много. К его художественным малеваниям при-
бавился еще один вид новых: портреты борцов за свободу.
Мысль эта пришла Клеточкину не случайно. Раздумывая о
неудавшейся убогой жизни, он искренне захотел внести и
свою лепту в общее дело и с увлечением начал рисовать
портреты выдающихся людей. От этого становилось легче на
душе. Портреты Клеточкин продавал знакомым по умерен-
ной цене, чтоб «заработать на хлеб с квасом», как шутил он
сам.

II

Сувенирчику как приятелю Клеточкин подарил портрет Н. Г. Чернышевского.

Сувенирчик купил черную рамку и повесил портрет в простенке между окон, где над ломберным столом висело прежде овальное зеркальце. Теперь зеркальце было перенесено на комод. Скромная комнатка с незатейливыми голубыми обоями вдруг наполнилась новым и необычным смыслом: как будто на невидимых крыльях сюда влетел дух времени и приобщи́л Сувенирчика к тому огромному и интересному, что происходило вокруг. Сувенир оживился и с достоинством посматривал на других. Матушке он объяснил:

– Полюбуйся, мамурочка, на подарок Клеточкина... Писатель Чернышевский... Гляжу я на него и думаю... Сколь колоратна судьба человеческая... Жил человек в унижении, даже в Сибирь, сослан был как разбойник, а теперь вот, видишь, какой славою возвеличен... В магазине на окнах его портреты вывешены...

Матушке не хотелось огорчать Сувенирчика, но все же она не вытерпела и беспоко́йно заметила:

– Клеточкину-шаромыжнику наплевать!.. Живет он припеваючи, как хочет, волосы поповские отпустил, никакого начальства знать не знает, в посты скоромное жрет... А ведь ты, Веня, учитель... Сохрани, господи, не вышло бы чего?..

– Пустяки, мамурочка, – стараясь казаться спокойным отвечал Сувенирчик.

Матушка только ради любви к нему сделала уступку: без страха она не могла смотреть на портрет. В жизни она всегда и всего боялась: будучи еще девочкой, боялась школьного учителя, уличных мальчишек, строптивного отца – заштатного псаломщика; когда вышла замуж, боялась мужа – мелкого писца в конторе нотариуса, боялась знакомых, чтобы не осудили за что-нибудь, незнакомых – как бы случайно не обидели и не толкнули на улице, особенно же питала страх к полиции и ворах. Портрет не давал ей покоя. Казалось, он смотрел со стены преследующими строгими глазами и пророчил какие-то беды. Матушка, сторбившись, ходила по комнатам и шептала:

– Господи, сохрани, помилуй и спаси!..

А по ночам она вставала и прислушивалась. Все ей чудилось, что вот-вот брякнет щеколдой в сенях и раздастся стук в дверь: нагрянула тайная полиция...

III

Дни «свободы» прошли так же неожиданно, как и пришли. Наступили крутые времена. Сувенирчик узнал о прошедшей перемене от заведующего школой, который сообщил ему, что уволены за участие в союзе две учительницы.

Домой Сувенирчик возвратился встревоженный и хмурый. А вечером он и матушка устроили продолжительный семейный совет. Припоминали все, что было сделано предосудительного. И грехов оказалось немало: посещение учительских собраний, вечера с пением у Клеточкина, портрет Чернышевского.

Матушка ахала и качала головой.

– Вот упреждала тебя, Веня, что толку не будет из ваших собраний... Так это и есть... Недаром говорят – старые люди прозорливые...

Сувенир виновато смотрел в пол и ничего не возражал.

– Вот теперь портрет тот самый... Куды его девать?.. В печке нешто спалить?..

– Неловко будет, мамурочка, – робко протестовал Сувенирчик. – Перед товарищами неловко... Все говорят, что не надолго эта самая, как ее называют, реакция... Опять свободные времена настанут...

– Перед кем это неловко-то? – настаивала матушка... Уж не перед Клеточкиным ли? Наплюнь ты, Веня, на них на

всех... Послушай меня... Все по-старому будет... Выдумали там какую-то, как бишь ее, по-вашему, по-ученому, и не выговоришь, вроде дифтерита...

– Реакцию, мамурочка...

– Ревакцию... Глупость все это одна и ничего больше...

Спорили тихо и осторожно, точно боялись, что и стены подслушают разговор. Матушка, сознавая свою правоту, говорила авторитетно и строго... В конце концов согласились отдать портрет на сохранение знакомой Марье Васильевне Спандиковой, кассирше аптекарского магазина, сироте, жившей скромно, как отшельница, и прозванной «Божьей коровкой».

IV

Марья Васильевна Спандикова вспомнила о хранящемся у нее портрете только через полгода, когда перебралась на новую квартиру. Она сняла комнатку у жены околоточного надзирателя Спирина. Помещение было маленькое, с окном в палисадник, где росли подстриженные молоденькие акации, а в клумбах безвкусно пестрели анютины глазки, петушиные гребешки и львиные зевы. На подоконнике стояли напыщенные олеандры с красными бутонами.

Хотелось устроить уютней комнатку, украсить чем-нибудь особенным. Марья Васильевна вынула из корзины портрет, раздумалась над ним, но поборола соблазнительное желание и решила для безопасности портрет снова спрятать.

Приходила изредка хозяйка, Анфиса Марковна, дородная женщина, в пензенской пуховой шали, с твердым ефрейторским голосом, который гудел по всему дому, когда она отчитывала на кухне кухарку.

Увидав на столе портрет, Анфиса Марковна тотчас же вывела соответствующее заключение... «Ишь ты, тихоня, – подумала она. – Наверное, „предмет сердца“!..»

Любопытство мучило Анфису. Она спросила:

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста! – смущенно ответила Марья Васильевна, сообразив, что сделала оплошность, оставив портрет на сто-

ле.

Анфиса долго и внимательно рассматривала портрет... Потом, с лукавым выражением человека, который все видит и знает, спросила:

– Сознайтесь по совести, милая Марья Васильевна... Не женишок ваш будет?

Марья Васильевна смутилась еще больше.

– Так... знакомый один...

Теперь для Анфисы не оставалось никаких сомнений в том, что она не ошиблась в догадках... И захотелось сказать жиличке что-нибудь приятное и льстивое.

– По видимости, не здешний... Я всех здешних молодых людей знаю...

Марье Васильевне оставалось только продолжать вынужденную роль и согласиться.

– Да, не здешний...

– Сурьезный молодой человек, – продолжала Анфиса. – Губы плотно сжаты, значит пустяков болтать не любит... И суровость этакая в глазах... видно, что человек с характером... Такой спуску жене не даст... Ну, да оно, может быть, к лучшему... Вон мой благоверный, размазня-размазней, никакого толку... Чуть недоглядела – так все доходы пропьет... А доходы по его службе немалые: где от купцов, где от рестораторов. Не пьет этот-то?..

– Нет, не пьет... не пьет.

– Та-ак... Оно и по лицу видно... Что же, давно вы с ним

знакомы?

– С детства... то есть, вернее, лет пять-шесть, – путалась Марья Васильевна.

– Ну-ну... Дай вам бог счастья... Приятный молодой человек...

Когда «Божья коровка» возвратила портрет по принадлежности – «как бы чего не вышло». Сувенирчик и матушка были убиты ее сообщением. Мысль, что теперь о портрете знает околоточный Спирын, наводила на обоих ужас... Матушка покачивала головой и причитала:

– Надо же случиться такому несчастью!.. Говорила тебе, Веня...

– Н-да... – сокрушался и Сувенирчик и мрачно добавлял: – Вообще, мамурочка, мне не везет в жизни...

Оба сидели растерянные и погруженные в думы. Наконец Сувенирчик решил на что-то. Он вынул портрет из рамки. Хотелось сохранить хотя бы багет, за который было заплачено полтора рубля. Потом он раздумался... Мелькнула мысль, что на случай лучше будет уничтожить все следы преступления. Он сломал на мелкие кусочки рамку, открыл дверцу печки и аккуратно сложил все на кирпичный под.

Дымное пламя весело забегало по картону.

Когда в печи прогорело и только на углях меркли сизые пепельные налеты, Сувенирчик взял кочережку и перетряхнул угли... Ему стало грустно и жаль чего-то... Казалось, вместе с потухающим огоньком гасли и его последние надеж-

ды на лучшее будущее...

Он долго смотрел на угольки. Вот их затянуло серой пленкой. Остался один пепел.

Тогда Сувенирчик повернулся худым и нескладным туловищем и уныло произнес в пространство, ни к кому не обращаясь:

– Н-да... Как подумаешь, коловратна судьба человеческая!..

1911